

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск, 1989. С. 196.
- ² Чудинов А. П. О регулярной многозначности семантически близких глаголов // Рус. яз. в школе. 1979. № 4.
- ³ Вепрева И. Т., Гоголина Н. А., Жданова О. П. Типы внутренней организации глагольных лексико-семантических групп. Свердловск, 1984.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

В. Д. ЧЕРНЯК

Российский педуниверситет имени А. И. Герцена

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА В ТЕКСТЕ

Предлагается сопоставление языковых и текстовых факторов, обуславливающих возможности функциональной эквивалентности в речи для слов, не являющихся синонимами в языке.

Вопрос о роли синонимов в тексте остается в значительной степени открытым. До сих пор достаточно детально рассматривались, во-первых, синтагматические свойства синонимов, реализация их семантических возможностей в условиях контекста, причем контекст ограничивался обычно рамками отдельных высказываний; во-вторых, условия образования и функции в тексте так называемых контекстуальных синонимов, противопоставляемых системным, однако и при таких целевых установках анализ проводился прежде всего в рамках отдельных высказываний или их минимальных сочетаний. При обращении же к целому тексту и составляющим его компонентам (СФЕ, ССЦ) чаще всего в общем виде отмечалась роль лексических повторов, синонимов как семантических средств связи между компонентами текста. Нельзя не согласиться с З. Я. Тураевой, что механизм актуализации семантических связей слов в тексте скрыт от непосредственного наблюдения и требует специального изучения¹.

Усилия лингвистов в последние годы направлены на поиски закономерностей, определяющих семантическую организацию текста, для чего необходимо «увидеть упорядоченность в кажущейся неупорядоченности, подвергнуть анализу явления в их глубинных связях и тем самым найти системность этих явлений»².

Весьма актуальным оказывается вопрос о лексической структуре текста. Достижения современной психолингвистики и лексикологии позволяют выявить механизм ее формирования. Ис-

следования психологов показали, что «при реализации замысла диффузное возбуждение вербальных структур постепенно специализируется, ограничиваясь отдельными узлами «вербальной сети», формируются разного вида мозаики активности. При этом они складываются таким образом, что наиболее стабильно задействуются некоторые области сети, соответствующие предмету будущего сообщения»³.

Задействованные участки вербальной сети непосредственно коррелируют с лексико-системными связями слов и определяют лексическую организацию текста.

В общем виде понятие семантической связности текста сформулировал Ю. Д. Апресян: «Текст семантически связан, если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты»⁴. Анализ значительного числа текстовых фрагментов различной протяженности показывает, что существенную роль в формировании лексической структуры текста, обеспечивающей его смысловую целостность и связность, играют такие основные виды семантических связей лексических единиц, как гипонимия, синонимия и антонимия. Для выявления механизма формирования лексической структуры текста следует иметь в виду, что «слово, всплыв на поверхность сознания, начинает «вытягивать» именно системно релевантные для него общепринятые ассоциации и связи, т. е. становится толчком к обогащению мысли, помогает ее формированию»⁵. Процесс «вытягивания» словом ассоциаций и связей предполагает вовлечение в текст различных семантически близких слов, в том числе синонимов. При этом «вытягивается» не ограниченная обойма синонимического ряда, но вся сложная сеть отношений, в которых этот ряд находится.

Выполняя существенную роль в формировании когнитивных и модальных компонентов текста, синонимы являются особенно значимым средством его лексической организации в тех случаях, когда требуется акцентировать внимание читателя на диалектике семантического сходства и различия. Использование синонимических средств способствует разностороннему постижению того или иного явления, объемному видению ситуации. Такая направленность видна в следующем контексте: «На носок сапога Грея легла пурпурная волна, на его руках и лице блестел розовый отсвет. Роясь в легком сопротивлении шелка, он различал цвета: красный, бледный розовый и розовый темный, густые закипы вишневых, оранжевых и мрачно-рыжих тонов; здесь были оттенки всех сил и значений, различные в своем мнимом родстве, подобно словам: «очаровательно» — «прекрасно» — «великолепно» — «совершенно»; в складках таились намеки, недоступные языку зрения, но истинный алый цвет долго не представлялся глазам нашего капитана; что приносил лавочник, было хорошо, но не вызывало ясного и твердого «да» (Грин).

Примечательно, что своеобразным эталоном, демонстрирующим дифференцирующие механизмы познавательной деятельности человека, являются для автора сходные по значению слова.

Широкие системные связи синонимов обогащают реальные возможности их текстового использования, расширяют радиус их текстового воздействия. Текстовые фрагменты, в которых организующую роль выполняют синонимы, существенно различаются по объему. В простейших случаях мы сталкиваемся с линейным расположением синонимов в небольших текстовых фрагментах, причем контекст позволяет реализовать основные семантические признаки синонимов. Рассмотрим несколько примеров:

«А сколько раз **лазил** я с Баскаковым на чердак, где, по преданиям, будто бы валялась какая-то дедовская или прадедовская сабля? **Карабкались** мы туда по очень крутой лестнице, в полутьме, согнувшись. Так же пробирались и дальше, шагая через балки, матицы, груды золы и мусора» (Бунин). В глаголах **лазить** и особенно **карабкаться** подчеркнут важный семантический компонент 'взбираться, хватаясь или цепляясь ногами'.

«Золотой шарик на зеленом куполе ослепительно **блестел** и, когда зажмуришься, разбрасывал игольчатые лучики. Затревожили. Нагнувшись, вылезли хоругви и выпрямились. **Сияли** иконы, костюмы духовных лиц и эполеты» (Добычин). Ближайшее окружение и текстовое сопоставление глаголов способствуют реализации различительных семантических признаков 'яркость, переливчатость излучения' в глаголе **блестеть** и 'равномерность излучения' в глаголе **сиять**.

«Даже в смутную пору юности Савин многое видел в себе — отчетливо, будто со стороны: свою крестьянскую **прижимистость** — не **скупость**, не **жадность**, а именно **прижимистость**, нежелание расстаться с копеечкой...» (Нагибин). Члены синонимического ряда выступают в функции антонимов, что связано с созданием в тексте оптимальных условий для реализации дифференциального семантического признака 'стремление приберечь деньги, избежать расходов' в слове **прижимистость**.

Представляют интерес достаточно распространенные случаи использования в тексте контактно или дистантно расположенных синонимов, выполняющих усилительную функцию. При этом важны не столько различительные признаки каждого из синонимов, сколько семантический потенциал синонимического ряда. Ср.: «В кабинете отца висел на стене старый охотничий кинжал. Я видел, как отец иногда вытаскивал из ножен его белый клинок и тер его полой архалука. Какой сладострастный восторг охватывал меня при одном прикосновении к этой гладкой, холодной, острой стали! Мне хотелось поцеловать, прижать ее к сердцу — и затем во что-нибудь **вонзить**, **всадить** по рукоятку»

(Бунин); «Искра вздрогнула от незнакомых нежных и усталых интонаций. Ей вдруг захотелось броситься к матери, обнять ее и заплакать. Зареветь, зарыдать отчаянно и беспомощно, как в детстве. Но она сдержала себя и опять не обернулась» (Васильев); «И тогда, бросив костер, все пустились бежать к дому Чушки. Мы летели, неслись, не разбирая дороги, через колдобины и ямы, как наперегонки, потому что каждому из нас хотелось быть у Чушки раньше других, и первым начать над ним расправу» (Приставкин).

Синонимия, «обеспечивающая свободу выбора», «позволяющая поддерживать лексическую систему в состоянии потенциальных и реальных выразительных возможностей»⁶, позволяет говорящему осуществить лексический отбор в соответствии со своими коммуникативными намерениями, прагматическими установками.

Важной для формирования лексической структуры текста, текстовых фрагментов достаточно большой протяженности оказывается роль эмоционально и экспрессивно «заряженных» слов в развертывании всего текстового фрагмента, в расширении радиуса действия экспрессивных синонимов. Можно утверждать, что прагматическая установка автора на экспрессивно-оценочное отражение ситуации определяет функционирование в тексте цепи экспрессивно заряженных лексических единиц. Показателен в этом отношении следующий пример: «Впервые за двенадцать дней **вспыхнуло** солнце, **запылало** золотым диском на своем обычном месте, ослепило, обожгло серые выцветшие лица, нестерпимо **засверкало** в стеклах окон, оживило и зажгло миллионы красок — и черные дымы над дальними крышами, и пожухлую зелень деревьев, и красный кирпич под обвалившейся штукатуркой... Толпа дико **взревела**, и Андрей **завопил** вместе со всеми. Творилось что-то невообразимое. Летели в воздух шапки, люди обнимались, плакали, кто-то принялся **палить** в воздух, кто-то в диком восторге **швырял** кирпичами в прожектора...» (Стругацкие).

Ряд предикатов, передающих динамику ситуации, представляет результат закономерного авторского отбора. Из ряда синонимов выбирается тот, который содержит дополнительный семантический компонент 'интенсивность действия' (ср.: **загореться — вспыхнуть, запылать; заблестеть — засверкать; закричать — взреветь, завопить; стрелять — палить, бросать — швырять**). Таким образом осуществляется иррадиация экспрессивности, причем экспрессивная «заряженность» предикатов усиливается при помощи других контекстуальных средств (**нестерпимо, дико, дикий восторг, невообразимое, миллионы красок** и др.). Максимальная активизация в текстовом фрагменте экспрессивных компонентов заставляет соотносить использованную автором лексику с той частью синонимических рядов, которая осталась невостребованной в тексте. Этот «закадровый» синонимический

фон делает более отчетливой коммуникативную установку автора.

Нередко эмотивно-оценочная модальность текста определяет место в его лексической структуре стилистически отмеченных синонимов с ярко выраженными эмоционально-экспрессивными компонентами значений. Обратимся к иллюстрирующему это явление текстовому фрагменту: «Чунка понял, что он один с четырьмя не справится, что вместе они его **изобьют**, и пошел на военную хитрость. Он неожиданно опять **вмазал** тому, кого **избил** в прошлый раз за подлое дело. Тот рухнул, а Чунка побежал. Он хорошо бегал и мог **сбежать** от них. Но он **сбежать** не хотел, он хотел растянуть преследователей. Через два квартала он заметил, что один из них **вырвался** вперед. Чунка сбавил ход и дал ему догнать себя. Чунка и ему **врезал** изо всей силы, и тот упал. Чунка побежал снова. Те двое, видя, что Чунка бежит, и считая, что он их боится, продолжали преследование. И третьему он дал догнать себя и третьему **врубил** от души, а четвертый, догадавшись, наконец, что дело плохо, повернул на ходу и **сбежал**» (Искандер).

Лексическая структура текста связана с передачей максимально динамичной ситуации, в ее организации ведущее место принадлежит глаголам движения, однако для характеристики поведения героя и его движущих мотивов чрезвычайно значимы оказываются глаголы ЛСГ нанесения удара. Использование в открывающем текст предложении интенсивного глагола **избить** определяет эмоционально-экспрессивную модальность текста. Особое место в нем занимают глаголы **вмазать**, **врезать**, **врубить**. Хотя они и не включаются в словарях синонимов в синонимический ряд с опорным словом **влепить** — 'нанести сильный удар по голове, по лицу и реже — по другим частям тела', однако в своих вторичных значениях, несомненно, к нему примыкают, формируя периферию синонимического ряда, максимально приспособленную для передачи эмоционального состояния персонажа. По точному замечанию В. Н. Телия, «существует зависимость между эмотивно-оценочной модальностью, составляющей непременный компонент коннотации, и сигналами функционально-стилистическими: эмотивно маркированная речь нацелена на выражение субъективного переживания мира, а это переживание не может быть передано стилистически нейтральными средствами, в последнем случае произойдет нейтральное обозначение чувств, а не выражение переживания»⁷. И в приведенном тексте установка на передачу субъективного переживания обуславливает употребление просторечных синонимов-экспрессивов.

Особое место глагольных синонимов в лексической организации текста вполне закономерно. Они призваны, как уже отмечалось, выделить особое в сходных явлениях, дать объемную характеристику ситуаций, представить ее с разных точек зре-

ния. Подчеркнем, что в тексте «работают» не отдельные слова-синонимы, а синонимический ряд: даже в тех случаях, когда из него в соответствии с коммуникативными установками автора выбран лишь один член, участники коммуникации при создании и декодировании текста учитывают весь потенциал синонимического ряда, имеющийся в их распоряжении. При этом системные синонимические ряды, представленные в словарях, по-разному соотносятся с индивидуальным арсеналом синонимических средств отдельных языковых личностей.

Исследование текстовых фрагментов, в лексической организации которых ведущую роль выполняют синонимы, убеждает в том, что очень часто сеть текстовых лексических связей создается под воздействием тех сложных отношений, которые связывают не отдельные слова-синонимы, а целые синонимические ряды друг с другом. В тексте находят отражение, «проецируются» на текст взаимосвязанные типы синонимических рядов, выделяемые на основе парадигматических и эпидигматических связей последних⁸. В частности, для текстовой организации очень характерна так называемая межчастеречная синонимия, демонстрирующая текстовые проявления соотносительных синонимических рядов. Ряды этого типа базируются на отношениях межсловной деривации и включают члены словообразовательных гнезд, вступившие во взаимодействие вследствие того, что производные слова отражают, наследуют синонимические отношения производящих.

Как правило, выступая в тексте, соотносительные синонимические ряды включаются в текстовую «синонимическую сеть» наряду с другими лексическими единицами, связи между которыми обнаруживаются через один-два шага семантического анализа. Этот тип лексической организации текста можно проиллюстрировать следующим примером: «Тем не менее все-таки перед нами остается вопрос: что делать романисту с людьми **ординарными**, совершенно **«обыкновенными»**, и как выставить их перед читателем, чтобы сделать их сколько-нибудь **интересными**? Совершенно миновать их в рассказе никак нельзя, потому что **ординарные** люди поминутно и в большинстве необходимое звено в связи житейских событий; миновав их, стало быть, нарушим правдоподобие. Наполнять романы одними типами и даже просто, для интереса, людьми **странными** и **небывалыми** было бы неправдоподобно, да, пожалуй, и неинтересно. По-нашему, писателю надо стараться отыскивать **интересные** и поучительные оттенки даже и между **ординарностями**. Когда же, например, самая сущность некоторых **ординарных** лиц именно заключается в их всегдашней и неизменной **ординарности** или, что еще лучше, когда, несмотря на все чрезвычайные усилия этих лиц выйти во что бы то ни стало из колеи **обыкновенности** и **рутины**, они все-таки кончают тем, что остаются неизменно и вечно одною только **рутиной**, тогда такие

лица получают даже некоторую своего рода и типичность как **ординарность**, которая ни за что не хочет остаться тем, что она есть, и во что бы то ни стало хочет стать **оригинальной** и самостоятельной, не имея ни малейших средств к самостоятельности. К этому-то разряду «**обыкновенных**», или «**ординарных**» людей принадлежит и некоторые лица нашего рассказа, доселе (сознаюсь в том) мало разъясненные читателю» (Достоевский).

Формирует лексическую структуру текста противопоставление опорных лексических единиц: **обыкновенный**, **ординарный** и **странный**, **небывалый**, **оригинальный**, **интересный**. Наибольшей частотностью и активностью в тексте обладают синонимичные прилагательные **обыкновенный** и **ординарный** (они открывают и закрывают текстовый фрагмент, четко определяя его границы) и соотносительные существительные **ординарность**, **обыкновенность**, к которым примыкает и существительное **рутина** — ‘установившийся обычай, порядок’.

Читатель не может обойти вниманием столь плотную синонимо-антонимическую сеть, формирующую содержательную структуру текста, вследствие чего реализуется коммуникативная установка автора — настроить читателя на определенное восприятие действующих лиц романа.

Особый интерес представляют случаи, когда воздействие синонимических парадигм обнаруживается в границах целого текста — макротекста. В таких случаях особыми семантическими вехами, «расставленными» по всей текстовой зоне, оказываются семантически «сближенные» слова. В синонимические парадигмы, являющиеся семантическими ориентирами в тексте, попадают члены синонимических рядов и их «близкие родственники» — члены смежных (максимально близких в пределах ЛСГ) и соотносительных синонимических рядов. Фиксация внимания читателя на семантически сближенных словах заставляет его видеть в осуществившемся лексическом отборе автора нечто большее, нежели лексический повтор, служащий целям текстообразования. Расставленные вехи будят мысль читателя, ведут к постижению глубинного смысла произведения, к полноценному постижению авторского замысла.

Несомненный интерес с точки зрения выявления роли синонимов во внутренней организации текстового пространства представляет один из ранних рассказов И. А. Бунина «Перевал». Небольшой по размеру (менее трех страниц), он предельно замкнут, локализован с точки зрения всех содержательных характеристик. Этот рассказ, ведущийся от первого лица, о переходе через горный перевал и об изменениях внутреннего состояния героя во время этого перехода. Проходящее через весь текст использование глаголов **идти**, **шагать**, **брести**, принадлежащих к смежным синонимическим рядам, выполняет важную организующую роль, способствует адекватному восприятию смысла

произведения. Глаголы, используемые в своих основных значениях, приобретают особые текстовые смыслы.

Начинается рассказ с употребления уже в первом предложении двух из названных глаголов, причем слово **брести** повторяется дважды: «Ночь давно, а я все еще **бреду** по горам к перевалу, **бреду** под ветром, среди холодного тумана, и безнадежно, но покорно **идет** за мной в поводу мокрая, усталая лошадь, звякая пустыми стремянами». Актуализация значимых в семантике глагола **брести** семантических компонентов 'трудность, утомительность ходьбы' осуществляется и первой частью сложного предложения **ночь давно** и усилением **все еще**. Примечательно, что в данном предложении члены смежных рядов **идти** и **брести** не противопоставляются, как это нередко бывает, а используются как полностью синонимичные, причем компонент 'трудность, утомительность ходьбы' актуализируется в глаголе **идти** наречием **покорно** и определениями к слову **лошадь** — **мокрая** и **усталая**.

Первое предложение сразу вводит в кульминационную фазу рассказа: герой идет ночью в горах в полном одиночестве, и путь этот продолжается уже давно.

Второй абзац носит ретроспективный характер: в начале путешествия, «в сумерки», состояние было иным. Начало движения передается глаголом **шел**, используемым здесь в своем основном значении — 'передвигаться, делая шаги': «Темнело быстро, я **шел**, приближался к лесам — и горы выросли все мрачней и величавее...». Это же семантическое содержание глагола сохраняется и тогда, когда речь идет о новом этапе движения, проходившем уже в темноте: «Наступила ночь, и я долго **шел** под темными, гудящими в тумане сводами горного бора, склонив голову от ветра».

Далее внутренняя напряженность в рассказе нарастает. Герой начинает уставать и мерзнуть, лошадь тоже замучена, а перевала все нет и нет. Отчаяние, ужас одиночества постепенно овладевают им: «Боже мой! Неужели я заблудился?» И здесь в момент высшего напряжения происходит внутренний перелом: «Но странно — мое отчаяние начинает укреплять меня! Я начинаю **шагать** смелее, и злобный укор кому-то за все, что я выношу, радует меня. Он уже переходит в ту мрачную и стойкую покорность всему, что надо вынести, при которой сладостна безнадежность...». Появляется синоним глагола **идти** — **шагать**, в котором актуализируется семантический признак лексического значения 'четкость, размеренность движения'. Иной характер движения соответствует иному внутреннему состоянию героя.

Далее повторяющийся глагол **иду** подчеркивает обретенную твердость, решимость преодолеть все препятствия: «Вот наконец и перевал. Но мне уже все равно. Я **иду** по ровной и плоской степи, ветер несет туман длинными космами и валит меня с ног, но я не обращаю на него внимания. Уже по одному свисту»

ветра и по туману чувствуется, как глубоко овладела поздняя ночь горами,— уже давным-давно спят в долинах, в своих маленьких хижинах маленькие люди; но я тороплюсь, я иду, стиснув зубы, и бормочу, обращаясь к лошади: «Иди, иди. Будем брести, пока не свалимся. Сколько уже было в моей жизни этих трудных и одиноких перевалов! Как ночь, надвигались на меня горести, страдания, болезни, измены любимых и горькие обиды дружбы — и наступал час разлуки со всем, с чем сроднился. И, скрепивши сердце, опять брал я в руки свой страннический посох. А подъемы к новому счастью были высоки и трудны, ночь, туман и буря встречали меня на высоте, жуткое одиночество охватывало на перевалах... Но — идем, идем!»

В приведенном фрагменте текста осуществился переход в иной, обобщенный семантический план. Все слова текста обретают новые смыслы. Слова **перевал**, **подъем**, **туман**, **буря** становятся символами крутых поворотов в судьбе. В тексте актуализируется очень важный для понимания всего рассказа смысл: преодоление не только превратностей судьбы, но и одоление себя, своих слабостей. Предложение **Будем брести, пока не свалимся**, в приведенном фрагменте является определенной границей, знаменующей переход от прямого смысла к обобщенно-символическому. Глагол **брести** сначала воспринимается в своем узуальном значении, а затем под воздействием текста ретроспективно наполняется обобщенным содержанием — 'жить, не сдаваясь, преодолевая все трудности'. Именно этот смысл актуализирован и в замыкающем текстовый фрагмент глаголе **идти**.

В конце рассказа происходит обратное движение смысла. Глагол **брести** употребляется в обычном, не символическом значении, хотя сочетание **бреду как во сне** отличается смысловой двуплановостью: это и движение в состоянии предельной усталости, и движение, наполненное уже иным смыслом: «Спотыкаясь, я бреду как во сне. До утра далеко. Целую ночь придется спускаться к долинам и только на заре удастся, может быть, уснуть где-нибудь мертвым сном,— сжаться и чувствовать только одно — сладость тепла после холода». Таким образом, «в контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого»⁹. В глубокой перспективе целого воспринимаются не только отдельные слова, но и их группировки, в частности синонимические ряды. Обладая большим коммуникативным потенциалом, они способны, как было показано, выполнять существенную роль в формировании лексической структуры текста. Своеобразие текстовых «синонимических сетей» определяется как системными связями синонимов и синонимических рядов, так и собственно функциональными семантическими сближениями слов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Тураева З. Я. Лингвистика текста. М., 1986. С. 11.
- ² Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 26.
- ³ Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А. Речь человека в общении. М., 1989. С. 90.
- ⁴ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 14.
- ⁵ Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 145.
- ⁶ Горелов И. Н. Энантисемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития // Вопр. языкозн. 1986. № 4. С. 86.
- ⁷ Теля В. Н. Коммуникативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 125.
- ⁸ Подробнее о типах синонимических рядов и их текстовых проекциях см.: Черняк В. Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. Л., 1989.
- ⁹ Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М., 1981. С. 34.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

Е. И. ПЛОТНИКОВА

Свердловский пединститут

ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Исследуются языковые и речевые факторы, способствующие экспрессивности конструкций с глаголами перемещения.

Выразительные качества глагольного слова неоднократно отмечались исследователями языка¹. Глагол в современном языке характеризуется как яркое средство речевого воздействия²; большой интерес представляет описание так называемых экспрессивных вариантов семантических моделей предложений с глаголами различных ЛСГ. В данной статье рассматриваются экспрессивные варианты семантической модели предложений с глаголами субъектного перемещения.

Инвариантная семантическая модель субъектного перемещения представляет собой обобщенное и типизированное отражение ситуации однонаправленного перемещения субъекта в пространстве. Данная модель может быть представлена следующим образом: субъект перемещения — предикат перемещения — исходный пункт перемещения — конечный пункт перемещения. Набор всех возможных речевых реализаций данной модели представляет собой определенный вид парадигматических изменений, который можно определить как коммуникативную парадигму. Данная парадигма, как мы выявили, представлена тремя типами предложений-реализаций: коммуникативные ва-